

Худ. О. Г. Верейский.
Владимир Тендряков.
1970-е годы.
Из собрания автора.

Неизвестный фотохудожник.
Наталья Григорьевна Асмолова-Тендрякова.
1970-е годы.
Из архива писателя.

ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ И НЕФЕРТИТИ

Если люди будущего захотят узнать, как и чем мы жили в середине XX века, то без книг Тендрякова, они этого не поймут.

Камил Икрамов

Тем кто, как я, прошёл в военные и послевоенные годы XX века школу раздельного, мужского и женского, обучения, известно, что у этой системы раздельности много плюсов и не меньше минусов. Не знаю, был ли это плюс или минус, но где-то, начиная класса с пятого, мы, девчонки, восторгались красивыми старшеклассницами. Это была целая система поисков, определений и тут же споров, несогласий, согласий, а также тихие, никому не навязываемые выборы первой красавицы школы. Что ваши мисс Европы или мира! Никаких реклам, шума никакого. Никаких закулисных игр, подстав, нечестных ходов. И разумеется, никаких материальных средств. Откуда? Всё честно!

Наша женская школа № 609 в Орлово-Давыдовском переулке Москвы, криво перпендикулярном к Первой Мещанской, которую потом переименовали в проспект Мира, ничем замечательна не была. Никакие дочери кремлевских вождей в ней не учились.

Выборы первой красавицы школы также не представляли собой ничего особенного. Тихо, мирно, незаметно решив кто первая, мы также тихо и стараясь, чтобы она не заметила, бегали смотреть на неё издали. Замечали в ней малейшие перемены. Одежда красавицы, как правило, не обсуждалась: школьная форма нивелировала всех, а она, душечка, и в этой скучной робе была бесконечно хороша.

Наташа Асмолова — так звали нашу бесспорную красавицу. И была она на два класса старше меня, что в разлёте возрастов пятнадцати-семнадцати лет, имеет немалое значение: если в пятнадцать — еще подросток, в семнадцать — уже девушка.

Помимо очей, огромных и блистающих, пухлых губ и ослепительной улыбки, Наташа Асмолова обладала двумя чудесными косами тёмно-русыми, которые она то опускала виться по телу, то укладывала в тяжёлый пучок, от чего становилась ещё стройнее, ибо косы оттягивали голову назад, а то обводила вокруг головы. Никто, даже Люда Ферাপонтова и Лариса Беспалова, тоже красивые девушки, её подруги, не могли сравниться с Наташей.

«Русская красавица» или «чудесная украинка», так говорили о ней учителя. Голос у Наташи Асмоловой также был незабываем: грудной, низкий, такие голоса называют чарующими. Училась она хорошо, ровно, окончив школу, поступила в Московский университет на факультет журналистики и более я её не видела, о ней ничего не слышала.

Впрочем, однажды, будучи студенткой филологического факультета того же университета (оба, журфак и филфак находились на Моховой в одном подъезде, но на разных этажах), я в университетском сквере увидела Наташу Асмолову рядом с высоким, тоже красивым, стройным молодым человеком. Они держались за руки и так смотрели друг на друга, что глядя на них, замирало сердце.

Идеальная пара — подумала я. И всё. Наташа исчезла с моего горизонта.

Шли годы. Я окончила университет, работала, потом ушла в литературную жизнь в 1967 году решила осуществить мечту — увидеть Италию. Мужа не отпустили на работе, пришлось ехать одной. Перед поездкой нас собрали на консультацию. Мне запомнились поэт-переводчик Михаил Кудимов с женой, прозаики Лазарь Карелин и Владимир Тендряков и Владислав Бахревский. Был ещё весельчак Марк Лисянский, поэт-песенник, написавший слова к песне «Дорогая моя столица». Нас проинструктировали. Показалось: скучная публика. Флегматичный Кудимов, неразговорчивый Карелин и два деревенщика разных возрастов: Бахревский и Тендряков. Последний, известный писатель, невысокий, сухопарный, с редкими белесыми волосами усиливал ощущение скуки от всей компании, хотя его интересные книги, особенно «Чудотворная» давали повод думать о нём, как об интересном человеке.

В аэропорту мы собирались у табло. И я увидела, как к нашей группе подходит не кто-нибудь, а божественная красавица Наташа Асмолова, которой я не видела поди лет десять и которая стала ещё краше. Но самое удивительное, что она меня, какую-то восьмиклашку, помнила. И возникло между нами нечто такое хорошее, общее, заинтересованное друг в друге. Почему-то я ни с кем из писателей её не связала, а подумала, что она, наверное, украшает собой литературный журнал. Ну, скажем, «Новый мир», отдел литературы. Или критики.

В римском аэропорту, когда туристы из СССР рассаживались в автобусе, Наташа пригласила меня:

— Садись рядом.

Села. Стали вспоминать общих знакомых девчонок из школы. Оказалось немало.

— Ты где... — начала было я узнавать, чем занимается Наташа, как она перебила меня.

— Дома. Воспитываю дочку. Живём на даче. Вот он, мой муж.

Владимир Тендряков, сидевший сразу за нами, заулыбался:

— Вот хорошо, Наташа нашла себе компанию, не будет мне докучать.

Что такое он говорит? «Наташа, докучать?» Обыкновенный, серый на вид, муж такой красавицы!? Как могло случиться? Ну да, конечно, Владимир Тендряков хороший, даже очень хороший писатель, но Наташа и он... Впрочем, «тайна сия велика есть». Может к концу поездки я что-нибудь пойму в этом альянсе.

Хорошо, что мы не умели читать мысли друг друга, иначе Наташа могла бы обидеться за Тендрякова.

Неизвестный фотохудожник.
Владимир Фёдорович Тендряков.
1970-е годы.
Из архива писателя.

Неизвестный фотохудожник.
Наталья Григорьевна Асмолова-Тендрякова.
1970-е годы.
Из архива писателя.

Худ. В. Ф. Тендряков.
Автопортрет.
1950-е годы.
Из архива писателя.

Неизвестный фотохудожник.
Владимир Тендряков и Наталья Асмолова-Тендрякова.
1970-е годы.
Из архива писателя.

Неизвестный фотохудожник.
Дочь Владимира Тендрякова Мария.
1970-е годы.
Из архива писателя.

Всю дорогу на протяжении поездки по Италии, а мы проехали Неаполь, Капри, Тосканскую долину, Сиену, Флоренцию, Венецию, Владимир Тендряков и Владислав Бахревский сидели рядом на длинном заднем сидении автобуса и непрерывно, взволнованно, заинтересованно говорили о... проблемах северных деревень, об отсутствии полноценной духовной основы в воспитании и образовании вологодских педагогов. Наташа изредка царственно поворачивала к Тендрякову голову и нежно говорила своим грудным голосом.

— Посмотри, Володя, какой собор на скале. Это Орвьетто.

— Ты не возражаешь, если я попрошу, чтобы гид провел нас по знаменитому флорентийскому мосту, где продают сувениры.

Он рассеяно отвечал:

— Да, да, очень красиво.

Или:

— Конечно, не возражаю.

Но и на флорентийском мосту Тендряков с Бахревским, умудрялись, не расставаясь, и, не глядя на торговые ряды, продолжать беседы на животрепещущие темы российских деревень.

— Не понимаю, — говорил мне Лазарь Карелин, — зачем он поехал? Наташу сопровождать?

— Лазарь, Вам не кажется, что они не подходят друг другу?

— Подходят абсолютно. Во-первых, — две противоположности. Там, где она — плюс, он — минус. И, наоборот. А главное — это любовь.

Карелин сообщил мне не по секрету, ибо в литературном мире все знали, что Наташа «увела» Тендрякова от хорошей, красивой, не такой, конечно, как она, умной, талантливой жены, писательницы, а он «увёл» её от хорошего, красивого, умного и тоже талантливого редактора из издательства «Советский писатель», Виктора Фогельсона. Его-то умницу, умельца отводить препятствия цензуры, я знала и даже, получив такую информацию от Карелина, сопоставила Фогельсона с тем молодым человеком, которого, вместе с Наташей видела когда-то в сквере перед зданием университета — он!

— Не спешите, — сказал мне мудрый Карелин, — думаю вы поймете Наташу: в Тендрякова можно влюбиться. А как он пишет! Если ухаживает за женщиной также талантливо, то не удивительно, что Наташа с ним.

Не знаю, не знаю. Тендряков, конечно, милый, умница, хороший собеседник, когда не разговаривает с Бахревским, но он почти все время разговаривает с ним.

— Наташа, ты знала, что Тендрякову не интересна Италия?

— Очень интересна. Не просто интересна, нужна для работы. Он все видит, что ему надо. Уже увидел.

Она говорит о нём увлеченно. Иногда с юмором. После школы сразу ушёл на фронт. Тяжелейшее ранение. Комиссовали. Был учителем в школе, комсомольским работником.

Обо всём имеет понятие. Всё может объяснить. Учился во ВГИКе, передумал, пошёл в Литинститут. Был корреспондентом «Огонька» в Вологде и Грязовце. Его повести — одна другой лучше.

— Без крутых поворотов не может. Он, как поезд, если идёт на тебя, то ослепляет так, что не сойти с рельс. Вот я и не сошла. — Это говорит Наташа. Интригует. Заинтересовывает. Но ничего, что видно ей, я не вижу, ибо не стою перед ним на рельсах. А она стояла.

Чем дальше идут дни в Италии, тем интереснее мне эта пара. Понимаю Наташу. Понимаю Володю. Привыкла к его разговорам с Бахревским. Они никому не мешают.

На Капри стояли на скале, откуда Тиберий приказывал сбрасывать пленников. Тендряков сказал:

— Хочется испытать это падение.

Наташа побледнела, увела его, а мне потом сказала:

— Он, как дитя, может прыгнуть.

— Невозможно.

— Нет, конечно. Но если желание перехлестнёт возможность и меня рядом не будет — ни за что не отвечаю.

Поездка окончилась. Пошли годы: семидесятые, восьмидесятые. Я не встречалась с Тендряковыми, но однажды, увидев название его книги «Свидание с Нефертити», раскрыла её. И поняла. Это имя по древне-египетски означает «красавица грядёт». Тендряков — художник не только слова. Он тонко и точно рисует, а значит, видит мир по-своему. Увидел Наташу, и с ним случилось как с нею, когда рельсы, поезд и невозможно свернуть. Слово — прыжок со скалы.

У него есть рисунок. Нефертити — анфас, а внизу Наташа — в профиль. Они, действительно, не то, чтобы похожи, а одно лицо — по Тендрякову. У него есть рассказ «Весенние перевёртыши» — и там та же тема.

Сходство живой женщины с Нефертити сразило крестьянина и солдата. Узнав, что имя Нефертити означает «Красавица грядёт!» распорядился: «Остановись, мгновенье». Страстно захотел видеть красоту каждое мгновение своей жизни. Как небо. Как солнце. Он жил рядом с красавицей — не хуже знаменитой египтянки. Она стала его повседневностью. Но разве можно привыкнуть к красоте? Художнику? От ощущения «Красавица грядёт!» наверно нужно защищаться. Не знаю. Может он научился: «Наташа нашла себе компанию, не будет мне докучать»? Нужно читать «Свидание с Нефертити» — там всё сказано.

Владимир Тендряков умер в 1984 году. На даче. Он каждое утро бегал трусцой. На сей раз пробежал, пошёл в душ и — его не стало.

Но остался, пока живы его книги, герои фильмов, пока жива Наташа и талантливы его дочь и внучка.

Ещё жив потому, что остаётся вологжанином — им-то он не перестанет быть.

Вологда своих не забывает...

Фотохуд. С. А. Тихомиров.
Книги, написанные Владимиром Тендряковым.
2010 год.
Из собрания Вологодской областной
универсальной научной библиотеки.

Худ. О. Г. Верейский.
Владимир Тендряков.
Эскиз портрета карандашом.
1970-е годы.
Из собрания автора.

Неизвестный фотохудожник.
Деревня Макаровская (Верховажский район
Вологодской области) — родина писателя.
Середина 1950-х годов.
Из собрания Верховажской централизованной
библиотечной системы.